

Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол?

© Лузянин С.Г.^{a,b}, 2023

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^b МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме. В статье освещаются современные китайско-американские отношения в ключевых сферах взаимодействия. Основное внимание сконцентрировано на анализе причин ухудшения двусторонних связей, включая эффект неизбежности обострения противоречий и конфликтов между «уходящей» сверхдержавой (США) и новой, поднимающейся (КНР).

Автор исследует торгово-экономические и политико-идеологические треки в сложившейся модели «Китай – США» до 2012 г., и её эволюцию после прихода Си Цзиньпина к власти в условиях мирного геополитического подъема Китая, его технологического роста, постепенного превращения из «фабрики мира» в экономику высоких технологий. В статье изучены основные параметры китайско-американских отношений с учетом итогов «торговой войны» 2017–2021 гг. и перерастания её в «технологические войны» 2022–2023 гг., особенности современной повестки США и Китая, включая противоречия по вопросам глобальной экономической рецессии, проблеме Тайваня, ядерного распространения в Северной Корее и Иране, а также роли России и позиции Китая на российскую СВО и украинский кризис.

Ключевые слова: Китай, США, конфликты, геополитика, торговля, высокие технологии

Для цитирования: Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? *Азия и Африка сегодня*. 2023, № 2. С. 5–13. DOI: 10.31857/S032150750024431-6

China – USA: Model 2023. The “Managed Conflict” or Global Split?

© Sergey G. Luzyanin^{a,b}, 2023

^a HSE University, Moscow, Russia

^b MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Abstract. The article highlights contemporary Sino-American relations in key areas of interaction. The main attention is focused on the analysis of the key reasons for the deterioration of bilateral ties, including the effect of the inevitable aggravation of contradictions and conflicts between the “outgoing” superpower (USA) and the new, rising one (PRC).

The author explores the trade, economic, political and ideological tracks in the established “China – USA” model until 2012, and its evolution after Xi Jinping came to power in the context of China’s peaceful geopolitical rise, its technological growth, and the gradual transformation of the PRC from the “factory of the world” to the economy of high technologies. The article examines the key parameters of Sino-American relations with an emphasis on highlighting the results of the “trade war” of 2017–2021 and its development into “technological wars” of 2022–2023, features of the current agenda of the United States and China, including contradictions on the global economic recession, the problem of Taiwan, nuclear proliferation in North Korea and Iran, as well as the role of Russia and China’s position on the Russian NVO and the Ukrainian crisis.

Keywords: China, USA, conflicts, geopolitics, trade, high technologies

For citation: Luzyanin S.G. China – USA: Model 2023. The “Managed Conflict” or Global Split? *Asia and Africa today*. 2023. № 2. Pp. 5–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024431-6

ВВЕДЕНИЕ

В условиях обострения российско-американских противоречий на фоне украинского кризиса и развертывания санкционных войн против России проблемы китайско-американских отношений в настоящее время всё больше фокусируются не только на двусторонних форматах Вашингтона и Пекина, но и на глобальном и региональном развитии мира. Китайско-американское соперничество просматривается в регионах Восточной и Южной Азии, на Ближнем Востоке и Африканском континенте, проникает в Латинскую Америку. Оно так или иначе присутствует в основных сферах жизнедеятельности этих двух государств – в высоких технологиях, гонке вооружений, включая ядерные, стратегические, валютно-финансовые, транспортные, экологические и гуманитарные области. В американской стратегии национальной безопасности Китай и Россия официально и открыто названы главными противниками США [1]. В статье делается попытка проследить ключевые блоки китайско-американских противоречий, их эволюцию за последнее время, проанализировать текущий срез, определить дальнейшие перспективы их развития, а также степень угроз как для самих США и Китая, так и для окружающего мира.

ПРЕДЫСТОРИЯ КОНФЛИКТА.

«ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СПОКОЙСТВИЕ» И ОЖИДАНИЯ КИТАЙСКОЙ «ДЕМОКРАТИИ»

Региональный и глобальный подъем Китая в конце 1990-х – 2000-е гг. на волне западной глобализации и успешного встраивания Пекином в социалистическую китайскую экономику западных либеральных экономических опций, а также централизованное руководство КПК, стабильность политической системы, учет уроков распада СССР и др. позволили Поднебесной быстро выйти на сопоставимый с США уровень международного влияния, превратившись в один из центров силы в азиатской части мира. При этом политика «держаться в тени и скрывать свои возможности», инициированная архитектором реформ Дэн Сяопином, позволяла избегать столкновений с США, поддерживая высокий уровень доверия в двусторонних отношениях. Вашингтон достаточно спокойно относился к китайскому «мирному возвышению», поскольку считал, что оно не представляло в тот период угрозы доминирующему положению Америки в мире, а китайские либеральные экономические реформы и быстрая интеграция КНР в мировую хозяйственную систему рано или поздно приведут к плавному демонтажу коммунистической системы, к тому или иному варианту «демократизации», схожему с тайваньской или сингапурской моделями.

При этом американское руководство в период президентства Б.Обамы пошло даже на предложение китайскому руководству «разделить мир» на зоны ответственности, создав «Большую Двойку» / G-2, которое тогда было мягко отклонено Пекином, но сам факт подобных инициатив свидетельствовал о геополитическом спокойствии американцев и полной уверенности, что китайский проект, официально оформленный в КНР как «социализм с китайской спецификой», полностью под контролем Вашингтона и развивается в нужном ему русле.

В 2015 г. ряд американских политологов заговорил о возможности перехода китайско-американского партнерства в фазу конфронтации и противостояния. Самое громкое предупреждение было сделано профессором Грэмом Аллисоном, который, опираясь на античные примеры борьбы Афин и Спарты, сформулировал неизбежность лобового, военного столкновения поднимающейся китайской и уходящей, снижающей свое влияние американской цивилизаций. И хотя ни США, ни Китай, как отмечает эксперт, не хотят военного конфликта, между ними уже сложился некий невидимый механизм («ловушка Фукида»), который постепенно втягивает оба государства в неизбежную катастрофу [2].

В самом Китае доверительные отношения с США воспринимались как временные, но необходимые для концентрации сил и создания условий для нового этапа модернизации. При этом часть китайской элиты и общества, особенно в период правления Ху Цзиньтао (2001–2012 гг.), находясь в комфортных условиях отсутствия внешних противодействий и ограничений со стороны США, а также высоких темпов внутреннего прироста ВВП¹, впало в состояние своеобразного «застоя» и во многом отвечало американским ожиданиям «демократизации» Китая, постепенного ослабления влияния КПК и внутреннего раскола в партии [3].

¹ В 2001–2010 гг. годовой прирост ВВП в КНР был от 9 до 12% (прим. авт.).

ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ «РАЗЛОМЫ». ЧТО ТАКОЕ КИТАЙСКАЯ «ДИСКУРСИВНАЯ СИЛА»?

Ситуация стала меняться после 2012 г., избрания Си Цзиньпина председателем КНР и в 2013 г. генеральным секретарем ЦК КПК. Новый китайский лидер, провозгласив курс на более активную, наступательную внешнюю политику и частично аннулировав установки Дэн Сяопина на «выжидательность» и «скромность», автоматически вывел Китай в новую фазу взаимодействия с внешним миром и, прежде всего, с США. Глобальная инициатива «Один пояс – один путь», запущенная в 2013 г., была одним из подтверждений новой внешнеполитической реалии – позиционирование Китая в качестве сильного геополитического игрока. Сформировался ряд новых китайских внешних нарративов, обновивших старые идеи «мирного возвышения» и «гармоничного развития», появились концепции «Сообщества единой судьбы человечества», «Китайской мечты», «Новой эпохи» и др.

Апробированная еще до Си Цзиньпина политика «мягкой силы», созданная, как известно, американским политологом Дж.Наем, но успешно адаптированная под китайские реалии проф. Ван Фунином, концентрировалась на пропаганде за рубежом китайских культурных ценностей, распространении языка и известных цивилизационных брендов через сетевые институты Конфуция. При Си Цзиньпине китайская «мягкая сила» приобрела новые очертания. Фактически западный арсенал классической школы французского политолога Мишеля Фуко о «дискурсивной силе», модернизированной в XXI в. под задачи англосаксонского мира, Китай творчески переработал и подогнал под себя. Китайские политологи, расширив функционал «мягкой силы», дополнили её блоком современных китайских концепций и оценок, перейдя в своеобразное «гуманитарное наступление», ориентированное в том числе и на американские бастионы [4].

В настоящее время китайская «дискурсивная сила» – это фактически нарратив из четырех базовых блоков:

– Политической части, разъясняющей миру иллюзорность выдуманной Западом «китайской угрозы», и дихотомии – «американская демократия», противостоящая «китайскому авторитаризму». При этом Китай, отходя от принципа «вековой деликатности» и «китайских улыбок», в отдельных случаях переходит в жесткую атаку, проявившуюся в дипломатии «боевых волков» в период пандемии *COVID-19*.

– Моральных установок, которые открыто не навязываются миру, но предполагают превращение китайских ценностей в ведущие мировые приоритеты. Концепция «Сообщества единой судьбы» – это некое идеальное представление будущего мира, основанного на китайских моральных принципах.

– Обновление и реформирование институтов глобального управления и активизация КНР в международных организациях.

– Интернационализация китайских технологических стандартов в области высоких технологий [5].

ОТ «ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ» К ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ БИТВАМ

В основе экономического китайско-американского раскола лежит сложившаяся в предыдущие годы структура торговых и инвестиционных балансов. В 2017 г. двусторонняя торговля товарами и услугами, а также объем инвестиций оценивались в \$750 млрд при огромном китайском положительном сальдо. США являлись основными потребителями китайской электроники, черных металлов, продукции машиностроения, одежды. Зависимость китайской экономики от американского рынка была такова, что при снижении американского ВВП на 1,5% китайский экспорт в США падал на 4–5%. КНР активно скупала финансовые казначейские облигации (в 2017 г. \$1,3 трлн), включая крупные доли в 112 ведущих американских корпорациях [6].

При этом накануне прихода Си Цзиньпина в Чжуннаньхай² претензии американской администрации к Китаю еще не выходили за официальные рамки. В ежегодных докладах Конгрессу «О соблюдении КНР норм ВТО» говорилось о соблюдении Пекином норм ВТО и о «позитивных сигналах», которые, как считало американское руководство, свидетельствовали, что «...следующие руководители Китая (Си Цзиньпин. – С.Л.) признают, что продолжение демократических реформ в интересах страны» [7, pp. 3–4]. После прихода Д.Трампа в Белый Дом доклады Конгрессу радикально изменились. С 2017 г. в них уже под-

² Чжуннаньхай – официальная резиденция китайского руководства, аналогия российского Кремля (прим. авт.).

черкивается, что США ошиблись, поддержав Китай при вступлении в ВТО, что необходимо «обуздать... китайскую вредоносную, меркантилистскую политику, которая не вписывается в правила ВТО» [8, p. 2].

Подобная эволюция, как известно, вылилась в развернутую Вашингтоном «торговую войну», в рамках которой США ввели пошлины на китайское оборудование и машины (20%), солнечные батареи (30%), сталь (25%), алюминий (10%), а также санкции против китайской корпорации *ZTE*, которой запретили закупать продукцию американских технологических компаний. В 2019 г. под огонь попала китайская компания *Huawei*.

КНР, со своей стороны, ввела ответные пошлины на широкую линейку американских товаров. В итоге в китайском экспорте пострадали в основном отдельные высокотехнологичные китайские компании, а в американском – корпорации США, производящие автомобили, сельскохозяйственную продукцию (соевые бобы), рыбу и морепродукты. При этом американский экспорт в Китай пострадал больше, чем китайский, вызвав в КНР процессы активного импортозамещения, особенно в сферах высоких технологий [9].

Джо Байден, сохранив логику «торговой войны» Д.Трампа, усилил атаку на китайский высокотехнологический сектор, издал ряд законов о запрете на экспорт в КНР программного обеспечения, чипов и других компонентов *IT*-индустрии, а также запретил обмены специалистами в области высоких технологий, подтянув к антикитайскому «чиповому фронту» ведущие тайваньские, японские и южнокорейские корпорации, обеспечивающие 70% данной продукции на мировых рынках.

При анализе экономико-технологического блока китайско-американских противоречий просматривается базовая причина их обострения. В начале 2000-х гг., когда Китай в созданной Западом модели глобализации и цепочек поставок занимал центральное место в качестве «мировой фабрики» по производству товаров массового потребления и по заниженным ставкам, у США не было претензий, и их все устраивало. Критика нарушений «прав человека», нерыночного курса юаня к доллару, «неравноправных» условий торговли и пр. оставалась, но она была формальной. Как только Китай начал менять свой статус, превращаясь в высокотехнологическую державу, развивающую собственные цифровые платформы и стратегии (программа «Сделано в Китае 2025»), со стороны Запада, и прежде всего США, начинается системная, жесткая атака.

Изменение статуса Поднебесной означало для американского руководства и крупного бизнеса смену иерархии в созданной ими глобальной экономической системе. Очевидно, что Пекин и Вашингтон находятся пока в начальной фазе экономико-технологической расцепки (“decoupling”) и основные схватки еще впереди.

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ РЕАЛИИ 2023 ГОДА. О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ АМЕРИКАНСКИЙ ЭКСПЕРТНЫЙ ДИСКУРС?

Основной трек китайско-американских разногласий в настоящее время сконцентрирован на региональных и военных площадках противостояния. Границы этих площадок постоянно расширяются. В настоящее время они как минимум охватывают военно-стратегические, экономико-технологические, валютно-финансовые сферы, а также региональные проблемы, включая корейскую, тайваньскую и др.

В ходе переговоров Си Цзиньпина и Дж.Байдена 15 ноября 2022 г. на полях саммита *G20* на о.Бали в Индонезии тема урегулирования сложных двусторонних военно-политических и торгово-экономических отношений была центральной. Вашингтон в итоговом коммюнике сообщил об успехах переговоров, о том, что стороны будут создавать некий механизм «управляемой конкуренции» двух стран, решать совместно глобальные проблемы экологии, климата, планируют создать открытые линии для экстренного общения и пр. [10].

Отложенный визит госсекретаря США Э.Блинкена в Пекин, запланированный на 5–6 февраля 2023 г., но не состоявшийся из-за прилета китайского метеозонда на американскую территорию, был явной попыткой «перезапустить» Балийский процесс и обновить повестку двусторонних отношений на 2023 г., включая темы Тайваня, двусторонней торговли и Украины.

В настоящее время американская повестка предполагает достижение компромиссов с китайцами по следующим четырем блокам вопросов: 1) контроль над искусственным интеллектом в области противоспутникового и ядерного оружия; 2) кооперация в борьбе с пандемиями, массовой миграцией, глобальной экономической рецессией и потеплением; 3) возможные договоренности по украинскому вопро-

су, включая традиционное зондирование, насколько Китай может отойти от «дружественного нейтралитета» в отношении России; 4) совместные ограничения ядерных устремлений Северной Кореи и Ирана.

Другая часть тем, по которым компромиссы со стороны США полностью исключены, связана: 1) с тайваньской ситуацией, которая в 2023 г., с учетом ужесточения антикитайских подходов республиканской Нижней палаты Конгресса, должна, с точки зрения Белого Дома, только обостряться; 2) с наращиванием США давления на китайские высокотехнологичные компании и углублением «технологического сдерживания» Китая; 3) со священной для Америки проблемой «нарушений» прав человека в КНР.

Последние «три нет» США при любых переговорных вариантах фактически обнуляют кооперационные намерения Вашингтона, и идея создания управляемой конфликтной китайско-американской модели так и остается нереализованным американским желанием.

Ряд ведущих американских политологов *Брукингского института (Brookings Institution)*, занимающихся Китаем, анализируя китайско-американскую повестку 2023 г., отмечают её крайнюю несбалансированность, противоречивость, а также своеобразную самоуспокоенность администрации, которая считает, что основные противоречия в военно-стратегической, торговой и технологической областях будут автоматически снижаться. Эксперты в связи с этим призывают свое руководство не делать ставку на снижение напряженности, а наоборот, готовиться к новой более серьезной схватке с Китаем [11].

Аналитики из Американского института предпринимательства, развивая технологическую тему, отмечают, что Китай в настоящее время сконцентрирован уже не на темпах прироста ВВП, а на росте вложений в науку и технологии, что технологический ресурс и возможности КНР в ближайшее время станут дополнительным инструментом экономического сдерживания США, а это может привести к деиндустриализации американской системы. И если Америка хочет избежать этого, подчеркивают эксперты, необходимо и дальше усиливать экономическую и технологическую «расцепку», которая, конечно, вызовет «экономическую боль», но это «...необходимая защита от будущих потрясений». При этом эксперты предлагают пересмотреть часть соглашений о Зонах свободной торговли (ЗСТ), а также отраслевые технологические контакты, в которых фигурирует Китай, с целью уменьшения его влияния, поставив их на обсуждение в Конгресс [12].

Очевидно, что американский дискурс частично отражает официальную позицию Вашингтона, который в настоящее время полностью ориентирован на военно-политическое и технологическое сдерживание КНР. Причем, учитывая предвыборный президентский год в США, администрация Байдена будет усиливать «технологическую войну» против Китая и меры по «защите» Тайваня.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ. КОГО ВАШИНГТОН НАЗНАЧИТ ГЛАВНОЙ АНТИКИТАЙСКОЙ «ТОРПЕДОЙ»?

Региональные аспекты китайско-американских отношений в настоящее время приобретают для Пекина и Вашингтона особую значимость. Азиатизация НАТО, инициированная США и реализованная в настоящее время в двух новых проектах – четырехстороннем блоке *QUAD* (США, Индия, Япония, Австралия) и трехстороннем союзе *AUKUS* (США, Великобритания, Австралия), представляют для Китая серьезный вызов. Американцы фактически пытаются «институционализировать» исторические и территориальные обиды Индии и Японии против Поднебесной. С помощью США происходит постепенное военное наполнение Индо-Тихоокеанского региона.

Американо-китайская конфронтация объективно усиливает значимость и ценность Японии в глазах США как источника передовой технологической продукции двойного назначения и важного союзника, потенциально стоящего на более глубоких антикитайских и антироссийских позициях, чем Южная Корея и другие азиатские партнеры. Задача Дж.Байдена в 2023 г. заключается в том, чтобы максимально усилить ведущую роль Японии на антикитайском «фронте» Восточной Азии в рамках общей стратегической линии против КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Важным событием подобной «институционализации» стал визит 13 января 2023 г. японского премьер-министра Ф.Кисиды в Вашингтон и его переговоры с Дж.Байденом. В итоге был обновлен американо-японский союз, включая укрепление института 2+2 (по два министра обороны и иностранных дел), создание новых американских баз и пр. Основным в современном японо-американском сближении становится подъем статуса Токио в двустороннем тандеме, а также возможное включение Японии в *AUKUS* и, таким образом, запуск её (Японии) против Китая в качестве главной разрушительной «торпеды» в случае ки-

тайско-американского военного конфликта из-за Тайваня. Не исключено, что в качестве компенсации премьеру была обещана поддержка по продвижению Страны восходящего солнца в состав постоянных членов СБ ООН и отмена 9-й «военной» статьи Конституции Страны восходящего солнца.

В Юго-Восточной Азии американо-китайское противостояние выливается в неформальное «растаскивание» АСЕАН на антикитайские и прокитайские группы стран, в котором пока, на наш взгляд, первая превышает по числу и ресурсам вторую, в которую входят в основном слабые периферийные государства региона (Камбоджа, Лаос, Мьянма и др.). Вашингтон активно играет на непростых китайско-вьетнамских, китайско-индонезийских и китайско-филиппинских отношениях, вбивая клин в каждое двустороннее сотрудничество.

Корейский полуостров не исключение, он также подпадает под китайско-американский «раскол». Учитывая давние, крепкие, союзнические отношения КНР и КНДР, а также фактор сдерживания Северной Кореей США и их союзников, включая развитие собственной северокорейской ракетно-ядерной программы, Пекин в 2023 г., скорее всего, уберет свою критику ракетных пусков и усилит военную, экономическую и энергетическую помощь Пхеньяну. При этом Сеул из экономических соображений не заинтересован в ухудшении отношений с Китаем, однако растущее давление США и требование к новому президенту РК Юн Сок Елю действовать по японской модели в отношении с КНР, ставят его в двойственную позицию и вынуждают лавировать между китайским и американским региональными полюсами.

Острой остается ситуация в Южно-Китайском (ЮКМ) и Восточно-Китайском (ВКМ) морях. Одно из главных препятствий – споры по поводу принадлежности Парасельских островов, которые, в свою очередь, – часть более общей «островной дискуссии» стран АСЕАН (Индонезии, Филиппин, Малайзии, Бутана) с Поднебесной по поводу других частей архипелага Спратли. Начиная с 2002 г., когда Китай подписал с АСЕАН Декларацию о поведении в Южно-Китайском море, а в 2017 г. началось обсуждение «Кодекса поведения в ЮКМ» (COC), определяющего нормы «свободы судоходства», режим проходов военных кораблей, навигацию и пр., ситуация в южных морях не улучшилась. При этом с 2009 г. существует созданная в КНР так называемая «линия из 9 отрезков/пунктов», согласно которой часть акватории ЮКМ исторически принадлежала Китаю. Со своей стороны, США, используя «островные споры», предлагают свои «правовые» и военно-политические варианты контроля в ЮКМ и ВКМ, заявляя о незаконности присутствия Китая в южных морях [13].

РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ТРЕУГОЛЬНИК «МОСКВА – ВАШИНГТОН – ПЕКИН»?

Российское измерение, несомненно, присутствует в американо-китайских отношениях, особенно в военно-стратегической и геополитической сферах. С учетом достигнутого высокого уровня российско-китайского стратегического партнерства, несомненно, что сдерживание Америкой Китая одновременно является и сдерживанием России. Региональное же усиление антикитайских военно-политических блоков в АТР и милитаризация Японии, инициированные США, становятся вызовом не только для КНР, но и для РФ. При этом военно-стратегическая координация Москвы и Пекина в ключевых сферах безопасности, а также регулярные воздушные и военно-морские учения, которые с каждым годом становятся масштабнее, создают новое российско-китайское качество региональной безопасности в плане противодействия создаваемому «Азиатскому НАТО». Это качество связано не только с интенсификацией двусторонних военно-технических связей, но и с формированием фактически новой региональной, а в отдельных случаях и глобальной системы безопасности, которая, де-юре не являясь военным союзом, де-факто имеет основные признаки такой структуры.

Украинский кризис добавил остроты в китайско-американские отношения, заставляя Вашингтон постоянно оказывать давление на Пекин для изменения его позиции «дружественного нейтралитета» в отношении России по украинскому конфликту. Как известно, Китай еще до начала российской специальной операции (СВО) 4 февраля 2022 г. четко заявил о том, что разделяет с Москвой её тревогу относительно расширения НАТО, угрожающего национальной безопасности российского государства, оказывая при этом большую экономическую помощь напрямую и через третьи страны по механизмам «параллельного импорта» и др. [14]. 30 января 2023 г. МИД КНР сделал жесткое заявление о том, что именно США

являются главной причиной украинского кризиса, а поставки тяжелых вооружений (танков и артиллерии) в зону боевых действий значительно усиливают эскалацию конфликта³.

Происходит явное усиление китайской критики действий Вашингтона на Украине. Возможно, что такая эволюция отчасти связана с желанием Пекина послать определенный сигнал американцам, что попытки военно-политического и технологического давления или демонтажа китайских международных позиций могут вызвать дальнейший отход Китая от «украинского нейтралитета» и переход к более активной поддержке Москвы на данном направлении, включая военную помощь.

Китайское руководство понимает, что в случае поражения России США сконцентрируют все свои силы и резервы в Восточной Азии против КНР на базе тайваньского кризиса или другой «горячей точки», и что в одиночку против американской коалиции без России Китай вряд ли сможет выстоять. Американский фактор усиливает российско-китайское стратегическое партнерство, невольно способствуя формированию на глобальном и региональном уровнях российско-китайской «Большой двойки» в противовес стремительно формирующейся оси «Вашингтон – Брюссель – Токио», в чем-то напоминающей нацистскую «Берлин – Рим – Токио», появившуюся, как известно, накануне Второй мировой войны.

Трехсторонняя кооперация в треугольнике «РФ – КНР – США» по вине Вашингтона практически исчезла. Отдельные пересечения просматриваются только на экспертном уровне в рамках известных дискуссий о характере и перспективах нынешнего миропорядка.

Отношение России к сложившемуся мироустройству хорошо известно – дистанцирование от западного, фактически «американского», мира, активное взаимодействие с незападным глобальным большинством в строительстве многополярной структуры. Реакция США также очевидна – сохранение и защита своей глобальной модели, институционально оформленной после Второй мировой войны (Бреттон – Вудс, ВТО, МВФ и др.) и окончательно сформировавшейся в 1990-е гг. в условиях западной глобализации.

Китайское отношение более сложно. Если официальная позиция предельно ясна – это приоритеты многополярности, равноправия всех, мир, развитие и инклюзивность, то на неофициальном, экспертном уровне просматриваются разные подходы.

С одной стороны, часть политологов и экспертов, анализируя сложившийся миропорядок на основе политических (ООН), торгово-экономических (ВТО) и финансовых (МВФ, ВБ и др.) институтов, подчеркивают, что поскольку США в каждом из них играют доминирующую роль, они (США) выполняют функцию сохранения стабильности всей системы, и с точки зрения рациональности поддержание сложившегося порядка выгодно и необходимо Китаю. Поэтому, даже когда Вашингтон провоцирует конкуренцию с Пекином, как отмечают отдельные эксперты, КНР должна «управлять и контролировать двусторонние отношения, предотвращать опасную конфронтацию» [15].

Другой китайский экспертный подход связан с жесткой критикой США, которые, как подчеркивает проф. Ван Вэнь, прикрываясь созданными ими «правилами» и своими политическими и финансовыми институтами, пытаются не только ограничить и сдержать развитие Китая, но и вытеснить его на обочину, периферию мирового хозяйства. То есть, представители этого подхода предлагают на антиамериканской основе и «девестернизации» некое поэтапное обновление и реформирование существующей мировой модели с акцентом на усиление сообщества развивающихся стран и их институтов (ШОС, БРИКС и др.) [16].

Потенциальной темой треугольника остается проблема ядерного стратегического сдерживания, которая, наряду с официальным российско-американским форматом (договор СНВ-3), при нынешней эскалации и желании США повесить «ядерный зонтик» над Южной Кореей и другими своими азиатскими союзниками, приобретает и более широкий неформальный характер. Один из возможных сценариев связан с неофициальным подключением Китая к российско-американскому стратегическому сдерживанию на стороне России. КНР, несмотря на дистанцирование от «ядерных взаимоотношений» Вашингтона и Москвы, на деле интенсивно развивает собственные компоненты стратегических вооружений, каждый год сокращая разрыв с США по количеству и качеству ракетносителей и боезарядов. Китайская ядерная триада пока асимметрична американской, включая отставание КНР по стратегическим бомбардировщикам, атомным подводным лодкам, пусковым наземным установкам и авианосцам. Например, последних у Китая в настоящее время 3, а у США – 11.

³ См.: https://ria.ru/20230130/initiator-1848329738.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

Учитывая высокий уровень доверительного российско-китайского взаимодействия, не исключено, что процесс взаимного сдерживания в Восточной Азии может постепенно вылиться в некую «ядерную поляризацию» и появление полюсов, с одной стороны – РФ и КНР, а также Северной Кореи как де-факто ядерного государства, с другой – США и их союзников, превратившихся из пороговых в неофициальные ядерные государства, – Японии и Южной Кореи. Пока эти сценарии гипотетические, но обострение ситуации в мире и восточноазиатском регионе в частности создает реальные предпосылки их реализации. Очевидно, что задача предотвращения такого варианта объективно лежит на кооперационном взаимодействии России, США и Китая, перспективы которого пока не просматриваются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайско-американские противоречия прошли существенную эволюцию – от мирного сосуществования и ожидания Вашингтоном плавного демонтажа китайской коммунистической системы до открытого противоборства, охватившего основные торгово-экономические, ценностно-идеологические, геополитические и военно-стратегические сферы взаимодействия двух стран.

Американская имитация критики Китая, закончившаяся после прихода «пятого поколения» китайских руководителей к власти⁴, трансформировалась в жесткую экзистенциальную борьбу США и КНР, в столкновение альтернативных нарративов. В настоящее время это ценностно-цивилизационный раскол и наличие двух альтернативных подходов к будущему современного мира, гармонии, справедливости и праву каждого государства на развитие.

Торгово-экономические итоги китайско-американских отношений показывают, что сложившийся в 1990-е гг. механизм с китайским положительным сальдо и большими объемами торговли, несмотря на введение заградительных пошлин и других американских ограничений, сохранился и дополнен Вашингтоном стратегией уничтожения китайских высоких технологий и корпораций. Технологически развитый и независимый Китай, которой может поменять сложившуюся мировую иерархию, опасен для США. Поэтому, независимо от партийной принадлежности, в американском руководстве сформировался курс на экономическую «расцепку» и технологическое сдерживание КНР, который последовательно выполняется и будет реализовываться в будущем.

Китайское ощущение экономических атак в основном адекватно сложившимся реалиям. Главное отличие от американской реакции в том, что Пекин, сознавая определенное технологическое отставание от США и возможность значительных потерь, пытается выиграть время для сокращения дистанции, минимизации текущих экономических дисбалансов, вызванных пандемией, закрытием страны, приведших к некоторому замедлению роста⁵. При этом основные приоритеты на 2023 г. и последующие годы ориентированы не столько на прирост ВВП, который планируется в пределах 5–5,5%, а на форсированное развитие сфер высоких технологий, НИОКР, прикладной науки и пр. Сдержанная реакция Китая на американскую стратегию давления – это, скорее, тактический шаг, связанный с необходимостью получения мирного периода в 5–7 лет для выравнивания «технологических фронтов» и подготовки своей атаки.

Вашингтон в настоящее время занят поиском некоей политической модели управляемого конфликта. Очевидно, что ни Китай, ни США не желают лобовой военной конфронтации, но при этом сам факт регионального и глобального усиления КНР, включая быстрое развитие сухопутных и особенно военноморских сил, стратегической ядерной триады, активной наступательной дипломатии, наличие самого большого в мире по паритету покупательной способности ВВП и др., автоматически вызывают у США ответную агрессивную реакцию, обостряющую двусторонние отношения.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. National Security Strategy. The White House. October 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 17.01.2023)

⁴ По китайской оценке, первое поколение – Мао Цзэдуна, второе – Дэн Сяопина, третье – Цзян Цзэминя, четвертое – Ху Цзиньтао и пятое – Си Цзиньпина (*прим. авт.*).

⁵ По итогам 2022 г. прирост ВВП составил 3% против 5%, запланированных ранее (*прим. авт.*).

2. Allison G. 2017. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt. <https://www.hks.harvard.edu/publications/destined-war-can-america-and-china-escape-thucydides-trap> (accessed 12.01.2023)
3. Ломанов А.В. Предвидеть «лебедя», заметить «носорога». *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, № 1, с. 138–152. <https://globalaffairs.ru/articles/predvidet-lebedya-zametit-nosoroga/>
Lomanov A.V. 2023. Anticipate the “swan”, notice the “rhinoceros”. *Russia in global politics*. V. 21, № 3, pp. 138–152. (In Russ.). <https://globalaffairs.ru/articles/predvidet-lebedya-zametit-nosoroga/> (accessed 19.01.2023)
4. 屯斌.加强新闻话语权建设. (Tun Bin. Strengthens the construction of news discourse power). (In Chin.). http://www.xinhuanet.com/zgix/2018-05/28/c_137211543.htm (accessed 19.01.2023)
5. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе. *Новые идеологемы внешней политики КНР*. М.: ИМИ МГИМО, 2022, 24 с.
Denisov I.E., Zuenko I. Yu. 2022. From soft power to discursive power. *The new ideologemes of China's foreign policy*. Moscow. 24 p. (In Russ.)
6. Лузянин С.Г. Китайско-американские отношения после Д.Трампа: оценки, подходы, перспективы. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021, № 8, с. 97–107.
Luzyanin S.G. 2021. Sino-American relations after D.Trump: assessments, approaches, prospects. *USA & Canada: economics, politics, culture*. № 8, pp. 97–107. (In Russ.)
7. United States Trade Representative. 2012. *Report to Congress on China's WTO Compliance*. December 2012, pp. 3–4 (accessed 28.01.2023)
8. United States Trade Representative. 2017. *Report to Congress on China's WTO Compliance*. January 2017, p. 2 (accessed 28.01.2023)
9. Салицкий А.И., Семенова Н.К. США – Китай: анатомия торгового конфликта. *Восток (Orient)*. 2019. № 4, с. 60–72.
Salitsky A.I., Semenova N.K. 2019. USA – China: anatomy of a trade conflict. *East (Orient)*. № 4, pp. 60–72. (In Russ.)
10. Readout of President Joe Biden's Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China. The White House. 14.11.2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/14/readout-of-president-joe-bidens-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china/> (accessed 25.01.2023)
11. Ryan Hass. A Roadmap for US-China Relations for 2023. January 04, 2023. Presentation at the Brookings Institution. <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2023/01/04/a-roadmap-for-us-china-relations-in-2023/amp/> (accessed 25.01.2023)
12. Dan Blumenthal, Derec Scissors. Breaking China's Hold. *The Atlantic*, 23.12.2022. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2022/12/china-economic-coercion-united-states/672524/> (accessed 25.01.2023)
13. Лузянин С.Г. Треугольник «Россия – Вьетнам – Китай»: современные вызовы, трансформации и асимметрии. *Вьетнамские исследования*. 2022. Т. 6. № 4. С. 4–12.
Luzyanin S.G. 2022. Triangle “Russia – Vietnam – China”: Modern Challenges, Transformations and Asymmetries. *Vietnamese studies*. V. 6. № 4, pp. 4–12. (In Russ.)
14. Лузянин С. Г. Российско-китайские «границы» безопасности. Что означает пекинское послание В.В.Путина и Си Цзиньпина. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 5–13. DOI: 10.31857/S032150750018790-1
Luzyanin S.G. 2022. Russian-Chinese “borders” of security. What the Beijing message of V.V.Putin and Xi Jinping means. *Asia and Africa today*. № 2, pp. 5–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018790-1
15. 黄清 中美关系短期内不太可能出现战略转向. (Huang Qing. The Sino-US relations are unlikely to undergo a strategic shift in the short term). (In Chin.). <https://mp.weixin.qq.com/s/BqkNneF1cN1qoLTSdNRO3Q> (accessed 17.01.2023)
16. 王文.2022年将作为“去西化”之年载入史册2023. (Wang Wen. 2022 will be recorded in history as the year of “de-Westernization” 2023). (In Chin.). <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3205148/beyond-china-more-nations-reject-us-led-order-2022-will-go-down-year-de-westernisation> (accessed 17.01.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, департамент зарубежного регионоведения, НИУ ВШЭ; профессор МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия.

Sergey G. Luzyanin. Dr.Sc. (History), Professor, School of International Regional Studies, HSE University; Professor, MGIMO-University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.12.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.02.2023